

А. Орлинский

**Первая русская революция
(1905 г.)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Орлинский**
Первая русская революция (1905 г.) / А. Орлинский – М.: Книга по Требованию, 2018. – 93 с.

ISBN 978-5-458-55110-6

Книга рассказывает о Первой русской революции. Рассматриваются причины возникновения революционной ситуации в стране. Широко освещены события, известные под названием "Кровавое воскресенье", и последующий ход революции. Книга издана в честь 20-летия революции.

ISBN 978-5-458-55110-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Следует ли изучать первую русскую революцию.

В 1925 году исполняется двадцатилетие со времени первой русской революции.

Молодежь ее не знает, только по книжкам изучает. Старики же, да пожилые люди хорошо помнят эти бурные годы. Помнят, как студент против царя шел, как рабочий бастовал, как мужик бунтовал, как началась, расширялась, затем закончилась революция 1905 года.

Владимир Ильич Ленин после 1905 года писал, что каждый месяц этой революции равнялся году мирного развития. Настолько быстро обучались политике и массы, и вожди, и классы, и партия в этой революции. Как высоко ставил тов. Ленин революцию 1905 года и ее значение для революционного народа, видно из того, как он ее расценивал уже после победоносной революции 1917 года. Ленин писал: „без генеральной репетиции (то-есть пробы сил А. О.) 1905 года—победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна“.

А что нам дала эта октябрьская победа над помещиками, капиталистами и остатками царского самодержавия,— всякий знает.

Первая революция окончилась поражением, но тем не менее, след она оставила глубокий.

Вот как пишет об этом значении революции, происшедшей в 1905 году, для будущего революционного развития России, историк М. Н. Покровский, который описывает и объясняет прошлое нашего народа наиболее подробно и правильно.

„Если брать, прежде всего, самый общий итог первой революции, то его придется определить так: народ не боялся больше бунтовать. Раньше „бунт“ казался чем-то страшным: кажется, поднимешь руку на начальство, да оно тебя в порошок сотрет, молнией испепелит. И вот доведенный до отчаяния народ решился—„поднялся бунтом“. Он поплатился за это жестоко, масса его сынов

была перебита, перевешана, сослана, перепорота и обещена. Но „всех не перебьешь“, „всех не сошлешь“ — оправдалось. И рабочий класс, и крестьянство остались на своем месте, при своем деле. Земля не рассеялась и не поглотила их, огонь небесный не поглотил. Напротив, у народа осталась в памяти струсившее, прятавшееся по углам или лебезившее перед толпой начальство. И хотя это начальство вылезло снова из углов и расхаживало гоголем, „побежденный“ народ насмешливо на него поглядывал, думая про себя пожди время, мы тебе уже лучше покажем“.

После дубасовских пушек (кроватьного усмирения генералом Дубасовым декабрьского восстания в Москве, о котором речь будет впереди. *А. О.*), московское простонародье, — не только пролетариат, — явно меньше боялось начальства; народ „обстрелялся“, а на войне обстрелянный солдат стоит трех новичков..

После 1905 года „обстрелянный“ народ запугать было нельзя. Эта „привычка бунтовать“ объясняет нам, почему так гладко дружно и быстро, „как по нотам“, прошла вторая революция. Хорошо спелся хор еще в 1905 году...

„Раб“ превратился в „бунтовщика“, и снова сделать его рабом было уже не в силах человеческих...

Царизм долго прятал от народа свою подлинную сущность. Долго и порою не без удачи, избрал он из себя почительного отца всех своих подданных. И были наивные люди, которые в царя-отца верили..

Но в схватке грудь с грудью с революцией царизму не удалось удержать на лице маску. Личина слетела в пылу борьбы, и звериный лик царя хозяев и помещиков стал виден самым близоруким...

В начале 1905 года даже рабочая масса еще шарахалась в испуге, слыша „долгой самодержавие“. В конце 1906 года даже крестьяне выучились петь: „царь-вампир из страны тянет жилы, царь-вампир пьет народную кровь“...

„Но если крестьяне 1905—1906 года были подготовлены к тому, чтобы равнодушно встретить падение „Романовых“ в 1917 году, то рабочие расстались с гораздо большим. Споры большевиков, меньшевиков и эсеров в начале 1905 года были для русского рабочего какой-то непонятной „барской блажью“... Теперь (после революции 1905 года. *А. О.*) и меньшевики, и большевики, и эсеры остались, но рабочие подобрались по слоям...

Подавляющая масса пошла за большевиками...

И раз выбрав себе партию, рабочие держались ее твердо... Всем инстинктом (чутьем. *А. О.*) рабочий класс понял, что может быть только одна рабочая партия, что революция может победить только при едином руководстве...

А для самой этой единой рабочей партии 1905 год был колоссальным (громадным. *А. О.*) предметным уроком. Большевики уже перед революцией знали, что надо делать, но как это делается, было совершенно неясно. После 1905 года мы оценили слова Маркса, что восстание есть искусство; мы поняли, не только по книжке, а жизненно поняли, что, не овладев этой военной наукой революции, никакого результата добиться нельзя. 1917 год показал, что урок пошел впрок—ни одна из ошибок 1905 года не была повторена.

Вихрь не покружился на одном месте. Он далеко снес влево русскую народную массу и вымел, в конце концов, за границы России тех, кто над нею куражился в 1905 г...

Таково было значение революции 1905 года. Она научила народ бунтарской смелости, воочию показала всем непрочность самодержавия, с трудом удержавшегося на гнилых ногах. Она разбила детскую веру в „царя-батюшку“, выдвинула вперед рабочий класс и закаленную большевистскую партию, которая научилась еще лучше руководить революцией—как рабочими так и крестьянами. Вместе с тем, благодаря победе помещиков над крестьянами, которые попрежнему остались в большинстве своем обездоленными и нищими, купцы, заводчики и банкиры, вся буржуазия после 1905 года должна была неминуемо потянуться к внешним рынкам, искать покупателя за границей, другими словами,—завоевывать рынки для капитала. Именно это толкнуло царскую Россию вязаться впоследствии в войну для захвата Дарданелл, Галиции и др. стран, на чем самодержавие, а вслед за ним и буржуазия, сломили себе голову в 1917 г.

Ясным становится теперь, почему революцию 1905 года надо знать каждому сознательному рабочему и крестьянину: ведь без этого нельзя понять и вторую русскую революцию и великий победоносный Октябрь 1917 года, которые неразрывно связаны, как мы видели, с первой революцией 1905 года.

„Ну что же“,—скажет иной,—„согласен, без 1905 года не было бы победы 1917 года, но ведь от этого дело не меняется. Победили и ладно, чего же тут старое ворошить, да еще такое, что двадцать лет тому назад происходило? Поминать старое—шевелить костями, пролетела пуля—не вернется“.

Так ли это, однако. Нет, не так. Это верно, что важнее всего победить врага, но мало радоваться победам. Надо понимать, почему в одном случае рабочие и крестьяне терпят поражения; в другом случае, как в 1917 году, им удалось добиться власти.

Все дело в том, что только тогда, когда узнаешь причину поражений и побед, будешь знать, как победу удержать и закрепить за собой.

Революция 1905 года, как мы видели, дала много полезных и незаменимых уроков для рабочих и крестьян во вторую и третью русскую революцию: начать, хотя бы, с того, что научила, как мы увидим, восставших строить совет не только рабочих, но и крестьянских, и солдатских депутатов.

Это, однако, еще не все. Уроки революции 1905 года сохраняют свое значение для нас и сейчас, когда мы строим свое государство сами, в условиях победы.

В самом деле. Старые враги разбиты, но ведь они находятся за границей, где непрерывно строят, с первых дней после Октябрьского переворота, козни против рабочих и крестьян России. В это дело они втягивают иностранных капиталистов, царей, „республиканских“ президентов и министров всех мастей.

Смелость, стойкость, сила нужна такая же, как в 1905 году, революционным массам для преодоления иностранной и русской контр-революции, и опыт первой революции этому учит.

Развенчаны меньшевики и эсеры „отечественные“, обитающие теперь пороги за границей, сеющие клевету про нас среди рабочих и крестьянских масс.

Но уметь бороться с эсеровщиной и меньшевизмом—российским и мировым,—остается попрежнему нашей задачей, и в этом отношении многому поучиться можно и должно на опыте прошедших революций, на опыте 1905 года.

Мы сами, при помощи самодеятельности миллионных масс, налаживаем нашу экономическую жизнь, залечиваем наши раны, крепим свое хозяйство.

Управлять страной, да еще такой огромной, отсталой и пестрой по своему хозяйственному и национальному строению, надо учиться все время и неустанно. Мы изучаем, что не надо делать,—на примерах старой власти; изучаем, как надо правильно поступать,—на примерах прошедшего и текущего революционного опыта. Только на этом и можно научиться молодой, но крепнущей Советской власти управлять массами, как этому учил нас Ильич.

Где искать без него ответов на возникающие вопросы нашей борьбы и нашего строительства?

В книгах, речах и действиях великих учителей человечества, Маркса, Ленина и других вождей, оставшихся верными их учению, с одной стороны; на опыте прошлого, в первую же голову—на опыте наших революций, ставших

примером для трудящихся всего мира, с другой стороны. Революция 1905 года дает нам много полезного в этом отношении.

Наша общая политика, денежное хозяйство, политика экономическая, внутренняя и внешняя на таком изучении и строятся, и потому так жизненна и прочна наша политика.

Если же принять еще во внимание, что мы, укрепляя своими силами наш Советский природно богатый Союз на основе нерушимого рабоче-крестьянского единения, вместе с тем терпеливо, но неуклонно держим направление на мировую рабоче - крестьянскую революцию,—значение опыта нашей революции еще больше вырастает.

Многие страны переживают свой „1905“ год (особенно—восточные страны, как Китай и другие), другие его перевалили, перешагнули свой „Февраль“, некоторые близятся к порогу своего „Октября“ (Англия, Франция, Италия, Германия и другие).

На опыте нашей победоносной революции и ее великой „генеральной репетиции“ 1905 года учатся коммунистические и революционные партии всех этих стран трудной „науке революции“, сложному „искусству восстаний“, умению руководить рабочими и крестьянами в своих условиях, по большевистскому, по ленинскому подобию.

Вот все эти главнейшие задачи, стоящие перед нами, перед всеми рабочими и крестьянами, как великое заповедное дело, и побуждают нас к внимательному изучению нашей богатой революционной истории, начиная с первой русской революции и того, что ей предшествовало, в первую очередь.

Чтобы довести народное дело до окончательной победы труда над капиталом, до торжества справедливого и мирного порядка жизни, называемого социализмом, надо многое сделать и многое знать. На этот случай есть, пожалуй, не худшая поговорка народная. „Незнайка лежит, а знайка далеко бежит“—говорит народная мудрость и верно говорит. Русскому же крестьянину и рабочему лежать не приходится. Наоборот, надо все дальше двигаться, быстро идти вперед, жизнь свою налаживать, с нищетой и нуждой поскорее кончать.

Кто сам этого не пережил, тому надо из книги узнать, как рабочие и крестьяне двадцать лет тому назад первый крупный бой со старым миром затеяли. А кто сам в этой революции принимал участие, тому тем более следует подробнее изучить причины ее возникновения, ход ее развития и ее значение для русского народа, для всех рабочих и крестьян.

Тогда яснее станет многое из того, что после нее произошло.

Лучше будем знать, что нам следует сейчас делать, по заветам великого вождя Владимира Ильича Ленина, который и в первой революции 1905 года участвовал. Недаром он повел в решительный бой рабочих и крестьян в 1917 году, твердо веря, что только рабочие и крестьяне революцию и могут сделать. В том то и дело, что никто иной, как Ленин, полностью использовал в 1917 году весь опыт и все уроки революции 1905 года и повел рабочих и крестьян, благодаря этому, по безошибочному пути.

Как же возникла эта первая русская революция? Какие причины заставили рабочих и крестьян двадцать лет тому назад вступить в тяжелую кровавую борьбу с самодержавием?

Почему в 1905 году восстали крестьяне.

Всякий знает, что 19-го февраля 1861 года царь Александр II, боясь крестьянской революции, поспешил издать манифест об освобождении крестьян от крепостного ига. Однако, не всякий понимает, что крестьяне этим указом были освобождены от личной крепостной зависимости,— земля же крестьянская не только не была раскрепощена, а наоборот, еще больше, чем до указа, закрепощена хитрым царским манифестом. Правильно писал тов. Ленин в 1901 г. по поводу 40-летия со времени освобождения крестьян, что „это было не освобождение крестьян с землей от помещиков, а освобождение крестьян от земли“.

В самом деле. Освобождение крестьян было вовсе не „сердечным желанием“ заботливого „царя-батюшки“, а, наоборот, делом, для царского правительства, до последней крайности вынужденным.

Хозяйственное развитие страны, как и всегда, явилось основной причиной земельной реформы.

Еще с начала прошлого столетия, примерно, перед так называемой отечественной войной 1812 года, в России стала сильно развиваться промышленность. Помогло этому, в числе прочего, особенно то, что Наполеон Бонапарт, французский император новоявленный, предавший французскую революцию, под угрозой штыков заставил тогдашнюю Россию, как и ряд других стран, прекратить торговлю с Англией, самой сильной соперницей Наполеона.

Русские фабрики стали расти, как грибы. Особенно много развилось бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик; также основалось много суконных, шелковых фабрик, открылись свеклосахарные заводы, умножились водочные заводы и другие.

Надо отметить при этом, что уже тогда во многих фабриках было заинтересовано и дворянство, притом очень

крупное: так, например, известный и родовитый князь Юсупов владел не только поместьями, но и огромными суконными фабриками.

Начавшийся рост русской фабрично-заводской промышленности шел безостановочно и после войны 1812 года. Насколько в дальнейшем развивалась промышленность, видно из одного, хотя бы, примера развития прядильных фабрик. В 1843 г. в России было таких фабрик 40 (пряжа, большей частью, еще привозилась из-за границы), работало на них до 350 тысяч веретен, а в 1853 году в ходу было уже до одного миллиона веретен.

Промышленность стала играть все большую и большую роль. Как ни кичилось дворянство, во главе с царем, своей белой костью и „благородным“ барством помещичьим, оно все внимательнее в эти годы начинает относиться к фабрично-заводскому развитию. Прежнее отношение к купцам, как к „аршинникам“ и „надувалам морским“ сменилось почтением к „целковому“.

Когда в 1831 году была устроена Московская выставка мануфактуры, на ней, — рассказывает очевидец, — „с утра до поздней ночи толпились не только торговцы и промышленники, но и вельможи, дамы и чиновники“. Выставка сделалась самым модным местом сборищ. Сам высокомерный Николай I, прозванный Палкиным в народе, специальный даже обед назначил, куда пригласил московских фабрикантов, питерских заводчиков из дворянского сословия, именитое купечество— всего до 50 человек. Тут же были министры и сановники все.

Царь „милостиво“ беседовал с „аршинниками“ про успехи мануфактурные, про житье-бытье даже расспрашивал. Мало того, царь стал посещать фабрики, бывал даже на дому некоторых фабрикантов. Точно так же он „изволил“ посетить Нижегородскую ярмарку и так далее.

Все это, не менее цифр, показывает возрастающее значение промышленности и торговли, вообще — рост капитала, с которым мало-по-малу начало как бы переплетаться дворянское господство помещичье, и к нуждам которого оно стало прислушиваться.

В чем больше всего нуждалась эта развивающаяся промышленность?

Во-первых, в рабочих руках. Откуда брались они? Из крепостных. Но труд из-под палки, труд рабский, невежественный и неохотный, не удовлетворял запросов промышленности. Практика показала, что свободная купля-продажа рабочей силы, хотя бы на нужде основанная, выгоднее фабриканту, дает лучшего мастерового, повышает производительность труда, качество работы.

Крепостное право мешало этой купле—продаже рабочей силы.

Второе,—в чем нуждалась остро промышленность,— это в покупателях производившихся товаров.

Кто был покупателем фабричных продуктов?

Главным образом—городское население. Но оно росло чрезвычайно туго: на каждые 100 человек населения России приходилось в 18-м веке только 4 человека горожан, в первой же половине описываемого 19-го века всего немногим больше 6.

Ясно видно, что рост покупателей отставал от роста промышленности. Кто был главной помехой этому? Крепостное право, привязывавшее крестьян к деревне, к ярму крепостному—повсюду и везде.

Ну, а крестьянство крепостное само разве не покупало товаров? Оно радо было бы в рай, да нищета не пускала. Нищий, обездоленный крестьянин, ценившийся ниже пса господского,—какой это был покупатель?

Только избавление от барского грабительского гнета, превращение крестьянина в человека, располагающего своими заработками, могло превратить его в покупателя товара.

Для этого требовалась опять-таки отмена хотя бы крепостного права на личную свободу крестьянина.

Все эти стеснения, нужды, а зачастую и жалобы промышленников оказывали свое влияние на дворянское царское самодержавие и его правительство.

На ряду с этим намечался и другой выход: завоевание внешних рынков. Как мы увидим, и это имело место в политике царской власти.

Однако, всех этих экономических источников, из которых шло давление на самодержавие в пользу отмены стародавнего крепостничества было еще недостаточно. Главную силу держали все же крепостники — опора царского престола.

Оказалось, однако, что и для них крепостной труд стал терять свою ценность.

Потребности крепостников росли, хозяйство ширилось, появился спрос на русский хлеб за границей. а рабский, голодный, подневольный труд в сельском хозяйстве был мало производителен.

Помещики долго не сдавались. Они боролись с этим различными способами.

Сверх обычного бесчеловечного угнетения и издевательства над крепостным, господа усиливали надзор над работой крепостного. Дело доходило до того, что некоторые помещики надевали на шею работников рогатки, чтобы они не могли во время работы ложиться на землю

от изнеможения. Другие рабовладельцы, желая понудить рабочих скорее окончить господские работы, не допускали крестьян во время жатвы к воде и питью, несмотря на зной. Само собой, щедро пускались в ход розги, палки, кнут, арапники и другие орудия наказания за „лень“, „неисправность“, медленность к работе.

И тем не менее, все это не помогало в большинстве случаев.

Тогда некоторые помещики стали применять перевод крестьян на урочное положение. Точно определялось, что должен сделать каждый крестьянин: например, предписывалось в барщинный день каждому вспахать половину десятины, скосить половину большой десятины ржи и половину казенной десятины овса или сена.

Но непосильные уроки превращали часто трехдневную барщину в четырех и шестидневную, окончательно разоряя хозяйство самого крестьянина. Для самих же помещиков урочный способ крестьянской работы хотя и был выгоднее обычного, но имел то неудобство, что крепостной спешил кончать урок, от чего понижалось качество работы.

Таким-то образом помещик постепенно стал убеждаться в невыгодности обработки земли трудом крепостных. Некоторых бар, которые оказались посмекалистее, этот расчет побуждал даже к отдаче земли своим же крепостным в наем. В имени князя Васильчикова, например, в Воронежской губернии, крестьяне не несли барщинных и оброчных повинностей, а платили за количество десятин земли, которую они снимали от помещика на тех же правилах и правах, как посторонние арендаторы. Другие же пытались перейти к вольнонаемному труду. Так, например, зарайский предводитель дворянства Титов свое имение обрабатывал своими же крестьянами, но „по найму, по вольному соглашению“. Интересно, как описывает в 1847 году указанные невыгоды барщинного хозяйства в „Земледельческой газете“ богатый рязанский помещика-откупщик Кошелев.

„Взглянем на барщинную работу,—придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше—ему не дело делать, а день убить...

...С этой работой сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошего подрядчика. Здесь все горит, материалов не наготовишься, времени проработают они менее барщинного крестьянина, отдохнут они более его, но наделают они вдвое, втрое. Отчего?—Охота пуще неволи“.

Таких примеров рассуждений было много.

В общем, можно сказать что к концу 50-х годов 19-го века уже никто не мог спорить с тем, что вольнонаемный труд несравнимо производительнее, плодотворнее подневольного, крепостного.

Таким образом, не только купечество и обыкновенные промышленники, но дворянство, в значительной части, шло двумя путями к пониманию вреда крепостного права для себя же.

С одной стороны, барщина заменялась арендой, вольнонаемным трудом, становилась невыгодной, особенно при растущем вывозе хлеба на продажу.

С другой стороны, крепостники втягивались в промышленность, „обращая“, как тогда говорили, „многих крепостных людей в промышленные предприятия“, где еще явственнее сказывалось преимущество вольнонаемного рабочего перед закрепощенным.

Царь-капитал делал свое дело. Разоряющееся дворянство по уши влезало в долги банкам и казне, тяготилось разоренным крестьянством. Богатейшее, успевающее дворянство все больше входило в царство капитала, торговлю и промышленность. Немудрено, что уже в половине пятидесятых годов, примерно лет за семь до царского манифеста, возник в голове того же Кошелева и других помещиков поумнее да порасчетливее, план отмены крепостного права.

План свой строили они в такой форме: продать крестьянам их свободу, заодно—наделы, которыми они пользовались при крепостном праве, расквитаться таким путем с дворянским долгом казне и банку, сохранить за собой только барскую запашку, зато вполне очищенную от долгов.

Однако, в 1854 году „реформа“ не прошла. Понадобилось целых 7 лет, пока передовая часть помещиков могла осуществить свой план. Что же помешало?

Ряд причин, вообще мешавших развитию страны. Трусость Николая, который считал свое самодержавное право над всей Россией тесно связанным с крепостным правом помещика в своем имении. Боязнь, что будет недовольна та часть дворянства, которая не поняла необходимости освобождения крестьян; наоборот—слишком раскачается и захочет какой нибудь „конституции“ передовая часть дворянства. Боязнь самого слова „освобождение“ крестьянства. В этих колебаниях и трусости царя поддерживала самая закоснелая часть придворного чиновничества и дворянства, окружавшая царя.

Ну, а крестьянство само оказывало какое-нибудь давление на правительство в этом отношении?